

Юбилей

Павел Петрович Павлов отдал сцене 40 лет. Он знал кулисы провинциальных театров, самолюбивых, обидчивых актеров, дешёвые номера гостиниц с обшарпанными и выцветшими обоями. Сколько раз в компании друзей, таких же непризнанных Отелло, каким был он сам, говорил Павел Петрович о неудавшейся своей жизни.

К своему положению неудачника он по-прежнему привык и уже не обижался на грубые замечания франтоватого антрепренера, на жидкие хлопья партера и вечную, как ноющая зубная боль, нужду в деньгах.

Так проходила жизнь. Седина засеребрилась в волосах, тонкие морщины легли коричневыми тенями вокруг глаз. Казалось, кто-то, без спроса, провел гримировочным карандашом по бритому актерскому лицу. Нередко ловил себя Павел Петрович на заученном профессиональном жесте, который подменял истинное влечение.

Революция ворвалась и за кулисы. Она разбросала бутафорские мечи, опрокинула ветхие декорации. Проснулись страсти, перед которыми побледила трагедия великого мавра. Павел Петрович принял революцию как долгожданного гостя. Повеселел. Привычное чувство своей никчемности исчезло.

Но так было до первого спектакля. С тревогой рассматривал Павел Петрович шумный партер, очень похожий на галерею. Когда после занавеса раздвинулись аплодисменты — Павлов не сразу понял,

что аплодируют ему. И вдруг чувство острой обиды кольнуло сердце.

Аплодируют ему. Но ведь он играл отвратительно. Старый, усталый человек. Почему, когда был он молод, когда каждый его жест дышал неподдельным волнением — его не замечали.

Это чувство недовольства собой усиливалось с каждым новым спектаклем. Павлов попрежнему чувствовал себя неудачником. Как будто его обманула революция, опоздав к первому дебюту. В кругу своих друзей говорил он полусерьезно: «Тут бы играть так, чтобы публике ревели, но голы уже не те».

Но играл Павлов совсем не плохо, в может быть все это были только нервы.

Друзья решили отметить юбилей старого актера. В последние дни Павел Петрович стал замечать подозрительную суету в доме. Однажды даже застал своего старого приятеля Сердюченко в компании жены и дочери. Они замолкли при появлении Павла Петровича, причем Сердюченко выглядел как коварный шекспировский Кассио.

Было совершенно очевидно, что затевается юбилейная шумиха, которую так не любил Павлов. Примерно за два дня перед 9 декабря приготовления к юбилею приняли прямо угрожающий характер. Квартира наполнилась какими-то таинственными свертками и стояло Павлу Петровичу потянуться к книжному шкафу или попытаться открыть боковой ящик письменного стола, неизменно появлялась его дочь — 17-летняя Лиза, предупреждая все его желания. Он даже попытался объяснить с родными, но абсолютно безуспешно.

Все это не на шутку угнетало старого актера. Он переживал свое сценическое сорокалетие как цепь неудач.

Совершенно неожиданно Павла Петровича вызвали к директору театра. Дальше все завертелось как в калейдоскопе: подлупование округа, агитпоезд ЛВО, торопливые сборы. В полупубке, в валах — неуклюжий, раскрасневшийся стоял Павел Петрович в передней в кругу своей семьи. Не было слов, чтобы выразить весь этот день, сумбурный и горячий, как сон.

В поезде Павлов почти не отходил от окна. Так вот она узкая, заснеженная река Сестра — старая граница. Мелькнул мост у Белоострова, окрашенный в две краски — красную и белую, потянулись сосновые леса, кочковатые, заснеженные болота.

Первый концерт был назначен в бывшем женском монастыре, в Ленталово. Павел Петрович бродил под темными сводами монастыря, с интересом рассматривал груды газет, разбросанных на каменном полу, заходил в кельи, кокетливые и суворовые одновременно. С жадностью впитывал он рассказы об этом русском монастыре в Финляндии, где коротали остатки своих дней фрейлины двора последнего русского царя.

Скуластый и веселый нарооармеец в форме первого финского корпуса народной армии показывал старому актеру пулеметные гнезда. Придворные дамы, некогда блиставшие в петербургских дворцах — благословляли финских пуцковцев, обстреливавших из монастыря наступающие красноармейские части. Во дворе перевернутая и раздробленная валялась пушка.

«Боже, научи нас возлюбить тебя и возненавидеть большевиков» — прочел старый актер в тексте молитвы, напечатанной по-русски с соблюдением ять и твердого знака. Монастырь был пристани-

щем шпионов. Из-под массивного распятия в одной из келий нарооармейцы извлекли шифрованное письмо.

Павел Петрович чувствовал себя вырванным из времени. Именно так выглядел тот мир, где погиб талант юного артиста, его собственный талант.

Приготовления к концерту были краткими. С амбона сдвинули пулеметы, зажгли лампы, вдоль икон расположились слушатели в аккуратных зеленых шинелях — бойцы финского корпуса.

Актриса Волотова начала концерт, она читала стихи Маяковского. Это было правильно. Владимир Маяковский был в своей стихии в этом храме-крепости, где слушатели опирались на винтовки и где на паперти сменялся караул.

Актриса Шербинина пела красноармейские частушки, которые знали нарооармейцы.

Была каиндерляндия,
А будет Финляндия...

Павел Петрович видел улыбающиеся лица бойцов. Ему тоже стало весело и он аплодировал актрисе вместе с другими.

Группа акробатов, приехавшая с агитпоездом приспособливалась железные канаты для своих номеров. Совсем нелегкое дело выступать под куполом храма, «я неприспособленном помещении», как выразился один из акробатов.

Пока шел следующий номер программы Павлов вышел на паперть. Отсюда с холма открывалась великолепная панорама. Павел Петрович невольно залюбовался красками заката. Северное синее небо, переходящее в зелено-фиолетовое, белые складки облаков, зеленые мохнатые леса.

Его вывел из задумчивости голос часового.

— Жгут проклятые, — сказал нарооармеец, слегка качнув штыком в сторону.

Павел Петрович невольно взглянул в ту

сторону, где в вечернем сумраке дрожало зарево.

Он возвратился в монастырь как раз во время. Был его выход. Павлов услышал последние слова конферансье:

— Сегодня, товарищи, мы отмечаем юбилей сорокалетней сценической деятельности артиста Павла Петровича Павлова.

Народоармейцы зааплодировали. И странно, Павел Петрович, так не любивший всякой торжественности, так боявшийся своего юбилея, — воспринял его сейчас как должное. Он ощутил давно знакомое каждому артисту напряжение всех душевных сил.

На амбоне храма, в полупубке стоял Отелло. Голос великого мавра звучал, как разящая сталь. Он звал, этот голос больших страстей.

Смотри, в моих руках
Оружье есть. Клинок ни разу лучший
Не налевал на перевязь солдат.
Был день, когда со сталью доброй этой
Путь проложил чрез большее число
Препятствий я, чем можешь их
поставить
Ты мне теперь...

Когда Павлов кончил, зал разразился криками. Нет, это не были только аплодисменты. В мерцающем свете ламп артист разглядел горящие глаза своих слушателей, опоясанных гранатами. Это был успех.

Павел Петрович смущенный и неуклюжий пожимал руки нарооармейцев. Он был счастлив по-настоящему. Его слушатели прокладывали путь к свободной Финляндии. Через все и всяческие препятствия. Огромная удача выпала на долю артиста, удача, угрожающая всю жизнь.

Ал. РАДИН.

Ленталово, Финляндия.